

М. Б. Мирский

МЕДИЦИНА РОССИЙСКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

НИИ социальной гигиены, экономики и управления здравоохранением им. Н. А. Семашко РАМН, Москва

Медицина средневековой России (или по другому Древней Руси) до сих пор, как ни странно, не была предметом обстоятельного и глубокого изучения. Разумеется, в какой-то мере ее касались все, кто, описывая историю отечественной медицины, старались выяснить ее корни и истоки. Но при этом обращают на себя внимание три немаловажных обстоятельства. Во-первых, большинство авторов учебников и иных обобщающих трудов, явно злоупотребляя пересказом общеизвестных фактов, начинают свое повествование со времен Киевской Руси (IX век); так же поступали фактически и авторы немногих специальных работ (Н. П. Загоскин, 1891 г.; Л. Ф. Змеев, 1896 г., М. Ю. Лахтин, 1906 г., Н. А. Богоявленский, 1960 г.). Во-вторых, о врачах Древней Руси (о врачах-монахах, мирских врачах, а также о волхвах и других целителях) говорилось немного, их лечебные действия — и, так сказать, терапевтические, и в особенности хирургические, за немногими исключениями, практически не анализировались. В-третьих, совершенно недостаточно изучалась роль православной церкви, особенно монастырей, в приумножении медицинских знаний Древней Руси, да и в оказании необходимой помощи болящим и страждущим в монастырских больницах.

Перефразируя древних летописцев, можно сказать, что хотя вопрос о том, "откуда есть пошла медицина Руси", интересовал и продолжает интересоваться многих исследователей, полного разрешения он пока еще не получил.

При изучении истории медицины Древней Руси (а такое изучение, вне всякого сомнения, должно базироваться на анализе первоисточников, прежде всего древнерусских летописей) целесообразно, на наш взгляд, различать несколько этапов. Это праславянская медицина (VI век до н. э.—IX век н. э.)¹, медицина периода Древнерусского государства (IX—XIII века), медицина периода возрождения русской государственности и культуры (XIV—XVI века), медицина позднего средневековья России (XVI—XVII века).

Остановлюсь подробнее на медицине периода Древнерусского государства.

Культуру Древнерусского государства обогащали контакты как с Западом, так и с Востоком. Особенно важными были весьма плодотворные, значительно расширившиеся и укрепившиеся после принятия христианства, связи с Византией — хранительницей достижений древней цивилизации.

"Нам не следует бояться признания огромной роли Византии в образовании славянской культуры, — писал Д. С. Лихачев, — посредницы и отдельных национальных культур славян. Славянские народы не были провинциальными самоучками, ограниченными своими местными интересами. Через Византию и другие страны они дышали воздухом мировой культуры, развивали свою общую и местные культуры на гребне общеевропейского развития. Их культуры для своего времени представляли собой в известной части итоги общеевропейского развития"².

А древнерусская культура впитала в себя и византийские, и восточные, и северо-европейские элементы.

Развитие культуры в Древнерусском государстве обусловило возникновение в обществе слоя образованных людей, прежде всего монахов, но и светских людей тоже. Широкое развитие грамотности подтверждает сравнительно недавнее открытие при раскопках в Новгороде берестяных грамот XI—XV веков. Об этом свидетельствуют также обширные собрания книг: например, "книжный фонд Киевского государства в домонгольский период... исчисляется сотнями тысяч единиц"³.

К великому сожалению, большинство произведений древнерусской письменности не дошло до нас — тому виной кровавое

татаро-монгольское нашествие, другие войны, пожары, прочие бедствия. Однако даже то немногое, что сохранилось, свидетельствует об общей высокой культуре Древнерусского государства.

Древние рукописи отражали, разумеется, представления своего времени о мироздании, о явлениях природы, о животном и растительном мире, о человеке. Так, в культурном наследии Древнерусского государства были обнаружены сочинения, сохранившие определенный теоретический материал о природе и человеке. Таковы были "Шестоднев" Иоанна Экзарха болгарского (X век), "Изборник Святослава" (XI век), "Слово о правой вере" Иоанна Дамаскина (XII век), "Христианская топография" Космы Индикоплова (XII век), "Толковая Палая" (XII—XIII века), "Физиолог" (XIII век) и другие подобные сочинения — большей частью переводные, но частью и оригинальные.

Эти и другие подобные сочинения пришли на Древнюю Русь вместе с христианством, которое принесло на Русь славянскую письменность, ввело ее в семью христианских славянских государств, в систему христианских стран Европы с их культурными достижениями.

Важно, что христианство принесло с собой многие достижения византийской, а через нее и античной культуры, в том числе и медицины. Неудивительно, что во всех этих сочинениях сказывалось влияние трудов Гиппократов, Аристотеля, Галена, Цельса, других классиков.

Например, в "Слове о правой вере" Иоанн Дамаскин (он жил в VII—VIII веках н. э.) уделял внимание устройству человеческого тела, пересказывая в сущности то, что писал Гиппократ о четырех стихиях — он называл их четыре "изливе, рехше хуми", т. е. жидкости: земле отвечала в организме "черная кручина" (черная желчь), воде — "глен" (флегма), воздуху — кровь, огню — "желтая кручина" (желтая желчь)⁴.

Что касается характеристики органов и деятельности "чувства", то здесь Дамаскин повторял (в упрощенном виде) то, что писал Аристотель. За Аристотелем следовал в своем описании анатомии и физиологии человека и автор "Шестоднева".

В "Толковой Палее" тоже воспроизводилось гиппократовское учение об участии 4 стихий в составе человеческого тела; другие анатомические и физиологические сведения повторяли Аристотеля. Свообразен был и "Физиолог" — пользовавшийся несомненной популярностью в Византии памятник александрийской эпохи, сочинение "биологического" содержания, написанное по-гречески в Египте во II веке н. э. и известное на Руси около XIII века, а, может быть, и раньше.

В сочинении "О диете при острых болезнях", да и в других работах, Гиппократ рассматривал пищу и, как мы говорим сейчас, диететику, как первейшее условие сохранения здоровья. В древнерусской литературе прослеживается эта же линия. "Изборник Святослава" (XI век) содержал определенные гигиенические предписания, связанные, правда, с религиозными мотивами (посты, праздники и др.), но определенно примыкающие "к астрологическим воззрениям древности"⁵.

Хотя и подчеркивалась необходимость питания, но указывалось, что не всякая еда идет на пользу человеку. Все-таки гигиенических предписаний было немного, преобладала "аскетическая" точка зрения. Собственно, такой же характер носили советы и предписания в других древних рукописях, таких как "Златоструй" (XII век), "Житие Феодосия Печерского" (XIII век) и др.

Известно, что в Византии было много различных медицинских сочинений (считается, что они появились под влиянием Гиппократов и Галена). Не подлежит сомнению, что подобные сочинения существовали и в Древнерусском государстве. Об этом свидетельствует хотя бы практика успешно действовавших

¹ Мирский М. Б. // Клиническая медицина. — 1999. — № 2. — С. 75—77.

² Лихачев Д. С. Раздумья. — М., 1991. — С. 82—83.

³ Галактионов А. Никандров П. История русской филологии. — М., 1961. — С. 23.

⁴ Райнов Т. Наука в России XI—XVII веков. — М.-Л., 1940, С. 85.

⁵ Чубан С. Журнал Министерства народного просвещения. — 1913. — Январь. — С. 101.

лечцов — "врачей-профессионалов": приобрести и совершенствовать свои медицинские знания эти грамотные и образованные люди могли лишь с помощью сочинений древних врачей. Можно добавить, что, как свидетельствует древнерусская "Начальная летопись" ("Повесть временных лет..."), киевский князь Ярослав Мудрый (XI век) собрал писцов и вместе с ними перевел книги с греческого языка на славянский: "Ярослав... был склонен к книгам, читал их часто днем и ночью. Он собрал многих писцов и переводил с ними с Греческого на Славянское письмо, переписал много книг"⁶.

Логично предположить, что среди книг, переведенных под руководством Ярослава, были и чисто медицинские сочинения.

"Первые понятия о греческой медицине (а следовательно, и о медицине Гиппократов и гиппократиков — М. М.) распространились у нас посредством греческих (православных — М. М.) монахов еще в XI и XII столетиях, — справедливо утверждал В. М. Флоринский, — и нет основания не допустить, что уже в это время были возможны переводы и переделки на русский язык латинских и греческих медицинских сочинений"⁷.

Можно еще раз пожалеть, что эти рукописи не дошли до нас.

Впрочем, еще до проникновения к нам с христианством и византийской культурой "греческой медицины", основывавшейся на достижениях античных врачей и мыслителей, охранять здоровье наших предков помогала народная медицина, которая была хранителем бесценного опыта поколений. Используя достижения, корни которых уходили в седую древность, она в течение многих столетий питала и обогащала "медицинскую" практику, помогала заботиться о здоровье, применять наиболее рациональные способы борьбы с болезнями.

Правда, в народной медицине было немало иррационального, а порой и просто вредного, вредного для организма: связано это было со знахарством, широко распространенным в нашей стране (как, впрочем, и в других странах) в течение многих и многих столетий. Даже в конце прошлого века доктор Н. В. Слюнин, выступая 13 марта 1882 г. на заседании Общества русских врачей в Петербурге, отметил "широкое развитие у нас знахарства, порчи и лекарства; нет той деревушки, где не было бы лезвещей знахарки"⁸.

О нынешних временах умолчу — что уж говорить о седой древности! Поэтому обладавшую вековым опытом народную медицину, важную и нужную саму по себе, выработавшую традиционные и во многом рациональные методы, следует отличать от знахарства (хотя и здесь было кое-что полезное, в частности, по использованию дикорастущих трав и других растений).

Знахарство — и тогда и в последующем, вплоть до нашего времени — включало в себя как непреходящий атрибут различные заговоры, мало изменявшиеся по сути своей в течение столетий, но всегда исключавшие применение каких-либо материальных средств.

Заговоры эти представляли собой пожелания, которые должны исполниться с чьей-либо помощью — либо самого знахаря, либо языческих божеств, либо (в христианские времена) с помощью святых или даже самого Бога. Вот, например, каков был содержавшийся в рукописном сборнике "Заговор от течения крови, троекратный": "Должно смотреть на рану и прочитывать над нею сию молитву три раза. Молитва: "Кровь булат, мать руда, тело древо, во веки веков. Аминь"⁹.

Или "Записка от холеры": "Напиши несколько записок нижеиследующего содержания, и прилепи их в доме, по одной над каждой дверью и окном. Тот дом бывает охраняем Богом от болезни холеры. Молитва: "Иисус Христос с нами уставиши, вчера и ныне и днесь, той же и во веки веков. Христос ненависти прогоняет, Христос в сем доме вездесущий у твоих раб, всегда и ныне и присно. Аминь"¹⁰.

Несмотря на, казалось бы, религиозную и христианскую основу подобных заговоров, трудно поверить, чтобы образованные, знакомые с основами медицины монахи-лечцы рекомендовали их вместо лечения. Все-таки это, по-видимому, плоды "творчества" самонадеянных "целителей", которых тогда на Руси было пруд пруди (во всяком случае, намного больше, чем сейчас, в наше цивилизованное время).

Разумеется, медицина Древнерусского государства вовсе не ограничивалась знахарством или применением народных средств врачевания. Являясь составной частью культуры, питаясь ее достижениями, медицина соответствовала ее общему уровню. "Греческое христианство, — утверждает Б. А. Рыбаков, — застало в 980-е годы на Руси не простое деревенское знахарство, а значительно развитую языческую культуру... Язычество древней Руси IX—XIII вв. — важный раздел русской средневековой культуры"¹¹.

Волхвы, составлявшие, по Б. А. Рыбакову, основную часть жреческого сословия древней Руси, занимались в числе прочего и лекарским знахарством — в этом им помогали женщины ("ведьмы", от слова "ведать" — знать), которых позднее в XII веке называли "бабы богомерзкие". Волхвы должны были, в частности, знать целебные свойства трав — это знание было результатом наблюдений, которые велись многими и многими поколениями, начиная, вероятно, еще от первобытного общества.

В общем вполне правомерно считать, что волхвы были целителями, лечившими людей рациональными средствами народной медицины. Это подтверждают и записки путешественников, посетивших нашу страну в те далекие времена.

Так, в "Записке" арабского путешественника Ахмеда Ибн-Фадлана, который в 20-х годах X века побывал в землях волжских булгар, хазар и русов, говорилось: "Когда один из них заблеивает, то они разбивают ему палатку вдаль от них, бросают его туда и кладут с ним кое-что из хлеба и воды, но не приближаются к нему, не говорят с ним, даже не посещают его во все время (болезни), особенно когда он бедный или невольник. Если он выздоравливает и встает, то возвращается к ним; если же умирает, то они его сжигают"¹².

А в "Книге драгоценных сокровищ", написанной около 30-х годов X века, арабский писатель Ахмед Ибн-Дада отмечал: "Есть у них знахари, из коих иные повелевают царю, как будто они начальники их (Русов). Случается, что приказывают они принести жертву творцу их, что ни вздумается им: женщин, мужчин и лошадей, а уж когда приказывают знахари, не исполнить приказания нельзя никоим образом"¹³.

Речь здесь, очевидно, шла о волхвах.

Следует, однако, отметить, что и после принятия христианства долгое время, на протяжении столетий, волхвы — хранители богатейших медицинских познаний языческих времен оставались одними из авторитетнейших врачевателей. К их услугам прибегали не только простые люди, но и аристократические слои общества, княжеские роды. Так, о князе Всеволоде (середина XI века) летопись сообщает, что "его же ради мати от влхвованья"¹⁴.

Священнослужители нередко обращали внимание на то, что русские, сами язычники в недавнем прошлом, несли своих заблуждений детей к волхвам и сами обращались при болезни к ним, а не к священникам, не в монастыри. Это подтверждают, в частности, и приведенные в русских летописях факты. Так, Лаврентьевская летопись свидетельствует, что воевода Ян (1071 г.) сурово осуждал волхвов.

Распространенность этого явления в средневековой России подтверждают многие исторические источники. В "Повести временных лет" упомянуто (1071 г.), что "многи волхвуют жены чародейством, и отравою, и иными бесовскими козньми"¹⁵.

Влияние волхвов, вера в их всемогущество сохранялись очень долго. "Такой для своей эпохи весьма даже просвещенный человек, как Иоанн IV, — отмечал историк медицины Ф. Л. Герман, — окруженный многими врачами он перед смертью совещается с волхвами, которых собрали в России и Лапландии до 60, по случаю появления кометы, и которые, по словам летописцев, верно предсказали день его смерти"¹⁶.

Да, неисповедимы мысли и поступки сильных мира сего... Ясно лишь одно: языческие поверья, языческая старина, особенно в том, что касалось сохранения здоровья и лечения болезней, долго, очень долго, вплоть до нашего времени, не уходили из народной памяти, передавались из поколения в поколение.

Но все-таки эпохальным для тогдашней медицины было время, когда древняя Русь стала христианским государством. Именно тогда появились монастыри, которые были не только сугубо религиозными учреждениями, но и формой социальной

⁶Древнерусские летописи. — М., 1936, С. 62.

⁷Флоринский В. М. Русские простонародные лечебники и травники. — Казань, 1880. — С. VIII.

⁸Слюнин Н. В. Материалы для изучения народной медицины в России. — СПб., 1882. — С. 2.

⁹Чтения в императорском обществе истории и древностей российских. — М., 1867. — Кн. 4. — С. 166.

¹⁰Там же. — С. 167.

¹¹Рыбаков Б. А. Язычество древней Руси. — С. 5—6.

¹²Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. — СПб. — 1870, С. 96.

¹³Там же. — С. 269.

¹⁴Повесть временных лет. М. — Л., 1950. — С. 104.

¹⁵Там же, 120.

¹⁶Герман Ф. Л. Врачебный быт до-петровской Руси. — Харьков, 1894. — С. 47.

организации жизни людей на основе общих взглядов. Уже в первой половине XIII века было известно до 70 монастырей, причем в крупных городах их насчитывалось большое число: по 17—18 в Киеве и Новгороде, 4 и более во Владимире Суздальском, Смоленске, Чернигове, Галиче¹⁷.

Монастыри были почти в каждом древнерусском городе или его пригороде и являлись составной частью городской структуры и структуры княжеского управления.

Если в XIII веке новых монастырей было основано около трех десятков, причем почти все они строились в городах или непосредственно за их стенами, то в середине XIV века их число достигает полтораста, большинство из них вырастает вдали от городов и сел, в лесных дебрях, на берегах глухих рек и озер. Монастыри продвигаются и на север, и на восток, и на запад, подчиняя своему культурному влиянию окрестное население.

Выдающимися центрами культуры стали монастыри на севере, их число чрезвычайно увеличилось в XV веке. Первые основатели этих монастырей Сергей Радонежский, Стефан Пермский, Кирилл Белозерский, Иосиф Волоцкий, Мартиниан Белозерский, Кирилл Комельский были образованными, знающими людьми, сами переводили и переписывали книги и поручали это своим ученикам. Вероятно, они были хорошо знакомы и с медициной — так, как знаменитый Кирилл Белозерский.

Нужно, правда, отметить, что основным занятием ученых монахов, хотя они и представляли очень тонкий тогда слой носителей интеллектуальной культуры, было, скорее всего, не изучение и переписка античной литературы (и уж тем более не исцеление болящих), а богословие, поглощавшее главные интеллектуальные устремления духовного сословия. Тем большего уважения заслуживает гуманный подвиг, именно подвиг безвестных монахов, посвящавших себя милосердной деятельности по исцелению болящих и страждущих.

Важно отметить еще одно обстоятельство, связанное в определенной мере с монастырями и вообще с православием. По мнению Д. С. Лихачева, "русские не восприняли, однако, типичного для Запада экальтезированного аскетизма. На Руси не были известны ни целования ран прокаженных, ни появление стигматов на теле святого, ни истерическое самоунижение. Наоборот, русские монахи и монастыри конца XIV—начала XV века очень часто подчиняли свою деятельность государственным интересам"¹⁸.

Итак, в средневековой России, как и в других европейских государствах того времени, монастыри были очагами науки и культуры, в том числе медицины. Здесь, в монастырях, действовали первые в Древнерусском государстве больницы: основали их по примеру Афонского и других христианских монастырей Византийской империи, с которыми монастыри Древней Руси были связаны тесными узами.

Как свидетельствует летописец, в X веке игумен Печерского монастыря Феодосий построил при монастыре богадельню: "Сътвори двор близ монастыря своего, и церковь възгради в нем святого первомученика Стефана, и ту повеле пребывати нищим, слепым и хромым и трудноватым, и от монастыря подаваше им еже на потребу, и от того всего сущаго монастырскаго десятую часть давайте им"¹⁹.

Фактически это было соединение богадельни с больницей — странноприимный дом, созданный, скорее всего, по примеру православных монахов Византии.

В церковных рукописях упоминается, что странноприимные дома, или странноприимницы, включавшие в себя, очевидно, и больницы, действительно существовали в Византии. "Егда създа Великий Макарие странноприимницу, тамо приходящая и болящая и странная приемляше, и всякой потребе сподобляше их"²⁰.

Такую же странноприимницу организовал Феодосий в Печерском монастыре.

Феодосий Печерский, преподобный (около 1036—1090 гг.) — русский святой, один из основателей Киево-Печерской лавры, учредитель монашеского общежития в русских монастырях. Будучи вторым игуменом Киево-Печерской лавры, ввел в монастыре так называемый Студийский общежительский устав, предписывавший общую трапезу, одинаковую одежду, отсутствие личного имущества и непрестанные труды для всех мона-

шествующих. Начал в монастыре обширное строительство. Принимал участие в политической жизни киевского княжества²¹.

Как считали историки, господство религиозного сознания в средневековье вместе со слабостью медицины того времени отдавали в распоряжение церкви множество тяжело или неизлечимо больных еще задолго до их смерти. Например, в рассказе Киево-Печерского патерика об организации Феодосием больницы (странноприимницы) в монастыре в 1060—1070 гг. ясно указывается, что тяжелобольные, которых приносили в монастырь, прежде чем они поступали в монастырскую больницу, постригались, т. е. превращались в монахов: "ин же некто, тако же болен, принесен бысть в пещеру и пострижен; и мниси же на то устроении болным служити, возьмше и сего, несоша его къ Пиминови"²².

По всей вероятности, странноприимница Печерского монастыря была не единичным подобным учреждением, ибо в тогдашнем законодательстве было узаконено их существование и даже определено их "финансовое положение".

Хотя о точной дате открытия монастырских больниц говорить трудно, все же следует считать, что они появились в древней Руси одновременно, по-видимому, с монастырями. Во всяком случае, первое сохранившееся упоминание о монастырских больницах относится ко времени княжения Владимира Святого (X век): именно он, как свидетельствуют летописи, вместе с митрополитом Леоном (Леонтием) установил своеобразную подать (налог) — так называемую десятину в пользу "нищих, сирот, сирых, больных и пр.". Это были весьма солидные средства.

В "Уставе святого князя Володимира, крестившаго Русскую Землю", говорилось: "А се о десятинах. От всякого князя суда десятая векша, и с торгу десятая неделя, от дани и от виры и всего схода и прибытка, и от лова княжа, от всякого стада и от всякого жита десятое в соборную церковь, царь или князь в девяти частях, а церкви сборная в десятой части"²³.

Кстати, в этом "Уставе" говорилось не только о больницах, но и о банях, которые издревле занимали особое место в жизни народа, в том числе в мероприятиях, связанных с охраной здоровья: "Монастыри, и бани их, больницы, и врачи их"²⁴ — этот текст содержится в позднейшей Иосафовской редакции.

В древнейшем списке Устава Владимира, написанном в Новгороде в конце XIII века, в числе "церковных людей" упомянуты между прочими лечец, задушный человек, слепец, хромец, монастыреве больницы, гостиницы, странноприимницы: "это люди церковные богадельные". Все они — и люди, и учреждения — поручались ведению архиереев. Таким образом, именно монастырская больница, находившаяся в ведении православной церкви, была учреждением, где работал лечец (лекарь, врач).

Это подтверждает и другая древнерусская летопись. В Степенной Книге ("Книга степенная царского родословия") говорится, что Владимир Святой установил "десятину" — церкви полагалась "десятая часть от всего стяжания нашего". Здесь же упоминались "церковни люди", среди них были и "леччи", а далее перечислялись "монастыреве и больницы и гостиницы и странноприимницы": все они подчинялись церкви, их "не подобает судити ни князю, ни боляром, ни судиям их"²⁵.

Кстати, в некоторых списках Устава Владимира (Смоленская грамота) были расширены статьи о церковных людях — в списке лиц, подлежащих суду церкви, оказались "лечец" и "прошеник". По мнению Я. Н. Шапова, под "прошениками", по-видимому, следует понимать многочисленную группу людей, которые тем или иным способом получили "прошение", "прошу", т. е. чудесное "исцеление", и в результате этого оказались под эгидой церкви.

Дело в том, что в религиозном сознании древности и средневековья болезнь представлялась наказанием человеку за его грехи, а выздоровление — прощением их. Судя по отечественным памятникам, духовное "прошение" и физическое "исцеление" не разделялись в сознании древнерусских людей: термин "прошение" употреблялся, когда подразумевалось чудесное выздоровление. Таковы рассказы Устюжского летописного свода об исцелении в церкви Борыса и Глеба в Смоленске (1177 г.). Слепленные князя Ярополк и Мстислав "поидоша на проше-

¹⁷Голубинский Е. Е. История русской церкви, 2 изд. — М., 1902, т. 1, 2 половина, с. 566.

¹⁸Лихачев Д. С. Культура Руси эпохи образования русского национального государства. — М., 1946. — С. 19.

¹⁹Патерик Киевского Печерского монастыря. — СПб., 1911. — С. 42.

²⁰Великие Минеи Четьи, сентябрь, дни 1—13. — СПб., 1868. — С. 539.

²¹Гладышева Е. В., Нерсесян Л. В., Словарь-указатель имен и понятий по древнерусскому искусству. — М., 1991. — С. 76.

²²Киево-Печерский патерик. — Київ, 1930. — С. 181.

²³Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). — СПб, 1853. — Т. 6. — С. 84.

²⁴Шапов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси X—XIII вв. — М., 1989. — С. 94.

²⁵ПСРЛ. — СПб., 1908. — Т. — Ч. 1. — С. 118—119.

ние к св. мучеником Борису и Глебу, и бывшим на Смядыни и прозревшим во церкви св. мученик..."; сообщения ряда летописей (1413 г.) об "исцелении" от иконы богородицы под Можайском: "Явилось жалования и прощения людям много: слепым, хромым, ослабленным, глухим и немым"²⁶.

То, что лечцы, да и больницы были, как писал знаменитый русский историк Н. М. Карамзин, "отчуждены от мирского ведомства", означает, что они во всем подчинялись церкви. Таким образом, именно эти лечцы играли основную роль в медицине, хотя были, несомненно, и мирские, т. е. как бы гражданские лечцы.

Бесспорно, что с первых же шагов на русской земле православная церковь взяла медицину под свое крыло — подобно тому, как это было в Византии или как поступала православная да и католическая церковь во многих странах Европы.

Уже в скором времени больницы стали, очевидно, непременной частью монастырей, впрочем, и церковей тоже, во всяком случае, при сооружении новых церковей и различных зданий для монастырей предусматривалось строительство и "медицинского корпуса". Так, в Никоновской летописи говорится, что Ефрем, митрополит Киевский "в лето 6599 (т. е. в 1091 г. — М. М.), ...бе же тогда зданиа многа воздвигл: докончав церкви святаго архангела Михаила, и заложил церковь камену на воротах градных... другую церковь и строение банное, и врачеве и болни-

цы, всем приходящим безмездно врачевание, такоже и в Милитине в своем граде устрои, и по иным своим градом митрополским, иже суть и со уезды и с волостями и с селы; се же не бысть прежде в Руси; и град бе Переяславль заложил камень, от церкви святого Федора, и с прочими здании, и съверши его чудне"²⁷.

Иными словами, митрополит Ефрем не только построил больницы, но и установил, что больных надо лечить "безмездно", т. е. бесплатно.

Таким образом, монастырские и церковные больницы (и в Киеве, и Переяславле, и Милитине, и других городах) стали непременной принадлежностью социального устройства Древнерусского государства. (Уместно напомнить, что о больных заботились не только в монастырях; как свидетельствует Ипатьевская летопись, в 1175 г. князь Андрей Боголюбский "веляшет по вся дни возити по городу брашно и питие различное больным".) Важно обратить внимание и на то, что больницы эти были общедоступными, так как в них "медицинская помощь", оказываемая лечцами, была бесплатной ("безмездно врачевание") в отличие от помощи мирских, или "гражданских", лечцов.

Совершенно очевидно, что монастырские больницы были специальными учреждениями, где работали опытные лечцы — по-современному — врачи-профессионалы.

Поступила 21.01.99

²⁶Шапов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси X—XIII вв. — М., 1989. — С. 90.

²⁷ПСРЛ. — СПб., 1862. — Т. 9. — С. 116.